

Анатолий БУРНАКИН

Трагические антитезы

<фрагмент>

Я ведь тоже народ... Ты народ, да не тот.

*Алексей Толстой*¹

Ad absurdum!* — Родиться декадентом и умирать чем-то вроде народника. Но такова смехотворная судьба большинства русских символистов, подобная неожиданность сейчас на каждом шагу, народничество решительно входит в моду и вот-вот будет считаться неперемнной принадлежностью высокого литературного тона.

И все-таки — ad absurdum! Лететь за «пределы предельного», «к безднам светлой безбрежности», «в мир чудесный, к неизвестной красоте»², и долететь до беспредметного славянофильства; быть «облеченным в солнце», и презреть солнечные одеяния и перетряхивать теперь мифологическую ветошь, торговать теперь архивною пылью (Бальмонт).

Или — ходить всегда, задравши голову вверх, и вдруг лобызать землю, причитать, голосить и кукситься о людском горе, о родине; г. Андрей Белый тот самый, который, кажется, и родился на небеси, вдруг разлюбил свою настоящую родину и обнимает теперь... всю Россию; ему уж нет дела, что

Там солнце, блещущий фазан,
Слетит, пурпурный хвост развеяв,
Взлетит воздушный караван
Златоголовых облак-змеев³, —

он теперь тренькает на балалайке, он воспекает «селедку с луком» (буквально!), «баню» и «казанское мыло» и даже печалится о «голодающем бедном народе».

Поэту Невского проспекта г. Александру Блоку опостылела символическая арлекинада и ему уже давно хочется

* До абсурда! (лат.).

...слушать голос Руси пьяной,
Ночевать под крышей кабака⁴,

а гг. Сергей Городецкий и Алексей Ремизов уж совсем монополизировали народность; г. С. Городецкий с развязностью мастерового «воскрешает» славянские мифы и тоном славянского жреца говорит о прачках и казенке; а г. А. Ремизов стилем Пшибышевского излагает апокрифы⁵.

Одно время даже смутился великий версификатор г. Валерий Брюсов и решил, что «Бога жажды и мечты» можно «прославить» простой имитацией; аналитичный, абстрактный, риторичный г. В. Брюсов смастерил серию «частушек», серию нескладных интеллигентских подделок!⁶

От «новаторов» не отстают и «эпигоны», — г. А. Рославлев популяризирует блаженной памяти Ершова, монотонно версифицирует народные сказки⁷; г. С. Соловьев имитирует Кольцова⁸; и еще многие, имена же их ты, Господи, веси, — все они народники, все они достойные представители «русской» литературы, все они подружились со словарем Даля и перелистывают этнографические известия.

Но присмотритесь к новому махровому цветку, прислушайтесь к высокому тону, — какая бледная немочь, какое жалкое косноязычие.

Дебютанты плуга! — Потешная рота! Вприпрыжку, скоком-бокком, охаживают они свои плужки и чувствуют себя заправдашными хлеборобами. Ерзаются, тренькают плужки, еле царапают землю, — а на ликах пахарей — умильная мина выполненного долга — долга перед согражданами и отечеством.

Чтоб уяснить эти «заслуги» да, заодно, и покончить с ними, обратимся к тому, кто народничает громче и старательнее всех.

А. Белый написал книгу стихов «Пепел», в которой дал немало образчиков, как надо символически причитать о народном горе и о судьбах России.

Книга посвящена памяти Некрасова; эпиграф из него же, известное «Что ни год, уменьшаются силы»; есть еще «предисловие», в некотором роде поэтический «манифест», в котором г. Андрей Белый приобщает себя к «деятелям жизни», к «служителям вечных ценностей».

Пропуская те циклы, в которых новый «деятель жизни» остается верен прежнему самому себе, в которых он — все тот же электро-хулиган русского стиха, в которых знакомый облик автора «Золота в лазури» и «Симфоний», останавливаясь на циклах — «Россия», «Деревня», «Горемыки», «Просветы», характеризующих автора как «народника».

Андрей Белый, извольте видеть, пессимист; горько-прегорько крушится он об отечестве и поминутно, гласом велиим, взывает

то к «голодающему бедному народу», то к «роковой, ледяной стране», к «матери — России» и предлагает ей для прочтения свои «песни»:

Мать — Россия! Тебе мои песни, —
О, немая суровая мать

и в трагикомическом пафосе кричит:

Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?

И еще много таких общих мест на ту же тему предлагает России новоявленный Некрасов.

Бедная Россия! Его пугают

Жестокие желтые очи
Безумных твоих кабаков

и он в ужасе и в экспрессе пролетает по твоим пространствам, ничего не видя, не различая.

«Века нищеты и безволя» — да ведь это рубленая проза, ведь это публицистика «газеты-копейки»⁹, — тем не менее г. Андрей Белый впадает в кураж и обращается к России со следующей фигурой:

Позволь же, о, родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать.

Такова общая гражданская муза, а вот и ее конкретизация:

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять?)
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять.

Но еще занимательнее следующее за сим пояснительное четверостишие:

На двадцать пять целковых
Одежда, стол, жилье... и т. д.

Или вот еще:

Жена болеет боком,
А тут не спишь, не ешь,

причем сообщается, что эта самая несчастная жена

В который раз, в который
С надутым животом.

Таковы лирические излияния телеграфиста, а вот деревенский купец:

Коли нонче за целковый
Груди заголишь... и т. д.,

вот простецкий кутеж:

Где-то там *рыдает звуком,*
Где-то там *орган.*
Подавай селедку *с луком,*
Расшнуруй свой стан —

а вот еще «простая» любовь:

Мы пойдем с тобою в баню
Малость поиграть.
.
Ты, чтоб не было обману,
Оголишь, дружок.
.
Начисто скреби
Спину, грудь казанским мылом —
Полюби — люби.

Но, право, я не знаю, цитировать ли дальше эти не в меру уж примитивные изъяснения, — ведь «безумная смелость» г. А. Белого доходит до того, что он признается:

Скольким-скольким молодежи
Вскидывал подол,

а в стихотворении «Поповна» живописует половой акт.

Это уж более, чем народная, это прямо казарменная поэзия. И, при этом, подумайте: кто певец: бывший небожитель, декадентствующий христосик, народный радетель, «Некрасов».

Но разве Некрасов, великий певец народный, был пошляком, сальником, солдафоном? — Вспомним его прекрасные, трогательные, благородные строфы:

Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрячься ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани¹⁰.

Но непрощеный приемник оголяет эту тайну со всем апломбом пьяного хулигана; и если хулиганство и есть народность, то, что ж, прошу извинения, г. А. Белый, вы — народник и вы вправе называть свои стихи «скромными и незатейливыми».

Глубокое возмущение, непоборимое отвращение возбуждает «Пепел». — Ложь, фальшь, цинизм — вот те «циклы», которые на-вертел этот развращенный циклист. — Общие места, ученическая конкретизация, фальшивая психология, низкие инстинкты, безграмотный и вульгарный язык.

Прибавьте к «Пеплу» еще «Русь» г. С. Городецкого¹¹ — безвкусные, искусственные скучные слезы, прогорклую воду, и вот вам новое народничество, вот «национальное творчество» и весьма скорбные выводы.

Соболезнование, не дальше общих мест, и весьма туманная риторика. Надоело одиночество, стали искать «мать родину», думали узреть Прекрасную Даму, но — увы и ах! — «Снежная Маска»! — Что под нею — не разглядеть отщепенцам, и впали они в мелодраматический транс и увидели они одну беспредметность, одни пространства и ничего более. Долг встал колом и тянет к матери, а ее-то и нет — разве не трагедия слепорожденных! Хотелось бы посантиментальничать, а приходится рыдать, т. е. делать то, что не умеешь, что даже воспрещено декадентским кораном, что давно испарилось из поэзии, ибо давно уже осуществляется французский завет: «*pas de sanglots humains dans le chant des poètes*» *.

Право же, гг. Андрею Белому, Сергею Городецкому, Александру Блоку и иже с ними следовало бы посоветовать: вместо того чтоб слушать «пьяную Русь» и ужасаться при виде «кабаков» — самим спуститься до пьяной Руси, до кабаков, так сказать, самим «запить», — быть может, тогда бы искренно зазвучали рыдания, и мать пожалела бы пьяненьких и открыла им свою душу, и не пришлось бы искать ее и бежать от нее.

А пока... пока и здесь, как и везде в современной литературе, нет конкретности, нет правды переживания, нет непосредственности чувства, — только беспредметность да отвлеченная и какая-то сомнительная созерцательность, да фальшь и комическое переодевание — маскарад-модерн, декадентская свистопляска.

Переряженные декаденты с первой же фразы обнаруживают свое салонное происхождение, свою растрепанную психологию. Ведь народность для этих господ не цель, а средство. Народный язык тут является новой, еще не использованной формой, новым средством выявления разложившихся интеллигентских душ. С народа сдирается его последняя рубаха — его нетронутый, цветистый язык, тот язык, о котором Лев Толстой говорит так: «Сильный, где нужно — нежный, трогательный, где нужно — строгий, серьезный, где нужно — страстный, где нужно — бойкий и живой язык народа»¹².

* «человеческих рыданий нет в песнях поэтов» (фр.).

И это прекрасное орудие теперь захватано бессильными, дрожащими декадентскими перьями; этот великий язык оказался средством для таких ничтожных целей.

Ведь ясно же, что это новое покаяние — новый блуд; и весьма смехотворный, вдобавок, — кающиеся декаденты ищут родину так, как ищут оброненный пятак. Ведь найти то, что они нашли, значит ничего не найти.

Они печалуются о меньшем брате, но, ей-Богу, это смешно и противно. Будто это печаль? — Это все то же печалование, старое-престарое интеллигентское сокрушение, отвлеченное словесное радение извечное оторванных созерцателей.

Их пугает неприглядная русская внешность, и они олицетворяют ее в неизбывный ужас; они за ужасной маской ничего не могут разглядеть и теряют богатую душу России; они не способны проникнуть в тайны, скрытые под тем, что формально возбуждает жалость; они не умеют найти в России то, что нашли в ней Гоголь, Островский, Лесков, Андрей Печерский, Достоевский, А. Толстой, Л. Толстой, распознавшие в груди Снежного Сфинкса: разудалую натуру, беспредельный размах, безудержное бескорыстие, ретивое сердце, страстотерпную душу.

И разве нужно искать Россию? — Стоит только любовно взглянуться в нее. Увидишь: не нужны ей благодетели и радетели, ни к чему ей твоя холодная жалость.

А если кто истосковался в разлуке, если ты хочешь успокоения — иди к ней, припади к земле, изливай у материнской груди свое горе, свою любовь. Плачь и пой и пей не о России, а с Россией, как добрый сын, — и найдешь отклик — умеет тужить голодная пьяная Русь, умеет жалеть и плакать в «безумных» кабаках, горячими слезами горят их «жесткие желтые очи».

Но, ради Бога, довольно песен о народе. Мы хотим, мы ждем песен *из* народа, задушевных русских песен. А новое народничество — это старое недоразумение, с которым пора уж навсегда покончить.

Вопрос об этом старом недоразумении впервые поставлен на настоящую почву г. Т. Ардовым. В своей книге «Отражения личности», в статье «Возвращение», он проникновенно говорит: «Народ перестает быть народом в кавычках», «перерастает выкроенные для него одежды схимные»; «образуется, в конце концов, новая интеллигенция, интеллигенция из народа, — уж эти-то, конечно, будут *понимать* народ, ибо кровь его течет в их жилах, и они живут с ним одной жизнью, одними идеалами». Усматривая наличность «органической внутренней интеграции», «народнения *нации*», г. Т. Ардов обуславливает этот процесс «*проникновением элементов народности в сознание интеллигенции*». «Не кисло-сладкое утешительное народничество, всегда условное и барствен-

ное, несет с собою этот процесс, не нисхождение к народной вше», а «органическое восприятие народности, слияние с нею, погружение в эту «соборную личность»»¹³.

Я же добавлю: нам нужны: непосредственная лирика простых душ, народная дума, народный эпос — в их дифференциации, в их современных вульгаризованных чертах. И не гг. декадентам братья за это дело. — Не по ногам лапти, господа. — Простой язык для простых дум и чувств. Мы не хотим «некрасовщины» (в худшем смысле), а тем более не желаем ряженных героев «Кубка метелей». Лучше уж одобрить «знаньевский» метод*, — даже уж лучше деловитая этнография, строго тенденциозный, «директивный» реализм — они хотя по-своему полезны, а ваш разнузданный символизм и доброго слова не стоит.

Мы — в предчувствии Кольцова, мы ждем прихода смерда на Парнас, мы хотим народного творчества, — ваше же «народничество» нам не ко двору.

Впрочем, потешайтесь. «Русь» безответна — все стерпит, можете причитать — она не умеет читать. А горбатого могила исправит.

* Ну, право же, у гг. Ивана Бунина («Астма»), А. Серафимовича («Пески»), Н. Олигера куда больше понимания народа и связи с ним¹⁴.